

СЕРГЕЙ СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

НИКОЛАЙ II

ЦАРЬ-ЧУРБАН,
ЦАРЬ-ЦАПЛЯ

Русская история (Алгоритм)

Сергей Степняк-Кравчинский

**Николай II. Царь-
чурбан, царь-цапля**

«Алисторус»

УДК 94(470)"XIX-XX"
ББК 63.3(2)53

Степняк-Кравчинский С. М.

Николай II. Царь-чурбан, царь-цапля / С. М. Степняк-Кравчинский — «Алисторус», — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-433-4

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851–1895) — всемирно известный революционер, писатель, мыслитель. По его книгам, запрещенным в царской России, миллионы людей получили представление о кризисе самодержавия. Степняк-Кравчинский объективно пишет о России времен Николая II, об истоках проблем, которые потрясут империю. Это не портрет царя, а описание политической системы, страны, мировоззрения. Книга оказала огромное влияние на современников, получила мировой резонанс. Без нее невозможно получить объективное представление о том, что такое российское самодержавие и почему оно не выдержало проверку Первой мировой войной. Диагноз мыслителя оказался беспощадным, но точным. А писал Степняк-Кравчинский не только со знанием дела, но и эмоционально и увлекательно. Книга обязательна к прочтению для всех, кто интересуется истинной историей России.

УДК 94(470)"XIX-XX"

ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-00269-433-4

© Степняк-Кравчинский С. М.

© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
I. Ручной деспот	8
II. Царь-мужик	15
III. На перекрестке	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский
Николай II. Царь-чурбан, царь-цапля

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Несомненный интерес к России может считаться одним из постоянных явлений умственной жизни Англии, будучи последствием постоянных причин, которые не зависят от прилива и отлива общественного любопытства. Два великих соперничающих государства не могут оставлять без внимания одно другое. Этот интерес естественно возрастает с постоянным увеличением слоев народа, принимающих действительное и сознательное участие в государственной жизни своей страны. И, тем не менее, интерес этот далеко не обуславливается одними лишь политическими причинами. Если Англия с каждым годом становится все более демократической, она в то же время теряет и свою островную отчужденность от остального мира. Народ ее все более и более интересуется политической литературой и общественным развитием великих континентальных народов; иностранное искусство завоевывает себе место в Англии; иностранные идеи все быстрее воспринимаются и приспосабливаются к английской жизни. Англия не занимается уже столь исключительно одной собой, как это было всего за одно поколение до нашего времени. Она ввозит к себе в обширных размерах умственные произведения иностранцев, между тем как прежде она только вывозила свои собственные.

Одно важное условие дало России гораздо большую долю широкого внимания и изучения со стороны англичан, чем это вызывалось бы ее настоящим положением, а именно все растущая симпатия к русскому народу, распространение сознания, что русское правительство и русский народ – явления совершенно различные, и что каково бы ни было отношение англичан к первому из них, они не имеют никакого основания чувствовать к русскому народу что-либо иное, кроме чисто-человеческой симпатии. «Общество Друзей Русской Свободы», основанное доктором Спенсом Уатсоном, представляет чрезвычайно полно и последовательно это недавно пробудившееся великодушное общественное чувство. В течение пяти лет Общество это оказало важные услуги обеим странам, создавая лучшие взаимные чувства и лучшее понимание между двумя народами, и его влияние несомненно еще значительно увеличится впоследствии. Оно подготавливает путь к лучшим взаимным отношениям между двумя нашими странами в будущем, когда русский народ сделается господином своей судьбы.

Мне едва ли нужно говорить, что число людей, ощущающих истинный интерес к русскому народу в Англии и Америке, гораздо больше той восторженной горсти мужчин и женщин, которые посвящают свою энергию на то, чтобы заинтересовать иностранное общественное мнение делом русской свободы. Это с очевидностью доказывается наличием целой литературы обо всех сторонах русской жизни, которая не могла бы появиться без широкого круга читателей. Литература эта создана обширным спросом и имела своим последствием значительное увеличение познания нашей страны. Но Россия еще слишком отстала от Европы в своей политике и культуре, чтобы изучение ее жизни, истории и учреждений стало необходимою частью общего образования, как это имеет место по отношению к Франции, Германии и Италии. У большинства образованных англичан интерес к России не переходит еще за пределы желания понять некоторые отдельные вопросы, связанные с русской жизнью.

Так, начинается в России преследование евреев, выбрасывающее миллион людей, которые переполняют английский рынок труда. Англичанам, естественно, нужно узнать, что лежит в основе этого средневекового варварства. Преследование штундистов привлекает их внимание к религиозным условиям жизни русского народа. Страшный голод, причиненный сравнительно незначительным неурожаем, ставит перед ними загадку русской экономической жизни. Возникает какое-либо осложнение на Дальнем или Ближнем Востоке, в Японии или Армении, – и оказывается, что русская дипломатия пожинает там, где не сеяла, обирая друзей и врагов с одинаковым беспристрастием. Людям интересно узнать, почему Россия, столь слабая внутри, может быть столь сильной извне. Новое революционное движение возбуждает интерес

к так называемым «нигилистам», которые всегда привлекают внимание не только любителей сенсаций, но и серьезных исследователей.

И когда умер последний царь, все эти и еще многие другие вопросы стали предъявляться со всех сторон скорее, чем на них можно ответить. Можно ли надеяться, что новое царствование принесет какую-либо перемену в России? Начнет ли молодой царь вводить либеральные реформы? Возможны ли такие реформы? Созрела ли Россия для политической свободы? Имеет ли царь власть даровать конституцию, если бы он пожелал этого? Таковы, насколько я мог узнать, главные вопросы, на которые требуют ответа англичане.

Книга, которую я представляю благосклонному вниманию английских читателей, представляет собою попытку дать ответ на все те общие и частные вопросы, которые возникают в обществе от времени до времени. Я дал в ней главы об евреях, о нигилизме, о голоде, о сибирской ссылке, иные из которых были напечатаны ранее в различное время и переработаны для настоящей книги, а другие написаны вновь. Но главной моей целью было ответить на один основной вопрос, который стоит еще перед общественным сознанием: как последняя смена правителей может повлиять на судьбы России?

Время, протекшее с тех пор, как мысль о книге впервые возникла у меня, принесло много новых фактов.

Полагают, что настоящее царствование есть точная копия с прошлого. Это нелепость. История не допускает такого повторения. Новое царствование началось иначе; изменилась страна и будет развиваться по-иному. При таком государе, как Николай II, перемены, по-видимому, могут произойти скорее, чем при всяком другом, ибо они могут прийти не только снизу, но и сверху, от жестокого столкновения и соперничества различных партий, которые борются за влияние и власть. При таком правлении самодержавие есть дом, распавшийся на-двое. Читатель знает, чем это должно кончиться.

И вот почему изучение царствования Александра III имеет более чем исторический интерес. Я старался выяснить, какой безобразный скелет скрывался под его консервативно-демократическим блеском, дабы показать, в каком направлении слепая сила реакции пыталась двигать нашу страну.

В заключительной главе я пытался указать на те силы, которые подтачивают здание самодержавия, а также настоящее положение русской оппозиции.

С. Степняк.

Часть I

I. Ручной деспот

В судьбе покойного русского царя есть любопытная аномалия. Выдающиеся, а в особенности находящиеся у власти люди обыкновенно в течение своей жизни бывают не поняты и не верно оцениваются, и только после их смерти о них начинают говорить правду. С Александром III произошло обратное.

Пока он был жив, большинство мыслящих людей понимало его вполне верно, и те из них, которые не принуждены были молчать, говорили о нем правду. Но сейчас же после смерти царя со страниц газет и журналов полился на невинную или скорее совершенно безразличную публику целый поток бессмыслиц на его счет. И это не была обычная дань прощающей терпимости, которая отдается торжественному явлению смерти. Пересматривая газеты за день, следовавший за телеграммой из Ливадии, которая извещала, что в России переменился правитель, мы находим, что задолго до того составленные понятия об Александре III нашли себе выражение в большинстве английских газет, независимо от их политической окраски.

«Он не был великим государственным человеком, писал „Таймс“, и, не напоминая в данном отношении многих самодержцев, он сознавал это. Он не претендовал на оригинальность. Он совсем не обладал подвижностью, блеском и преходящей восторженностью „широкой славянской натуры“. Но если взгляды его были скудны и узки, они были ясны, и он крепко держался за них. Мир был невыразимым благословением, которое было в его власти даровать миллионам его современников... Нам нет нужды опрашивать в настоящий момент, была ли его политика по отношению к его собственным подданным столь же благотворительна, как его иностранная политика».

Сквозь покров того, что может быть названо похоронным эвфемизмом, каждый может ясно увидеть, что хотел выразить автор этой статьи.

Взяв газету противоположной партии, «Дэли Кроникл», мы находим в ней в тот же день заметку, более полно говорящую о внутренней политике Александра III, но почти в тех же словах говорящую об его личности.

Влиятельная радикальная газета не стесняется назвать царствование Александра III тиранией, которую можно сравнить с тиранией Тюдоров и которая, вероятно, приведет к насильственной революции. Лично о нем нельзя ничего сказать более, как то, что он мог бы быть очень почтенным фермером или скотоводом, но был совершенно не на месте на престоле великого государства, и что несчастная случайность его рождения была источником бесконечной муки и для него самого и для русского народа.

Николай II.

Прошло несколько дней, и внезапно «Дэли Кроникл» стал петь хвалу примерному царю Александру III, а другие газеты состязались одна с другой в превознесении величия и мудрости (не говоря уже о добродетели) человека, о котором они были столь жалкого мнения незадолго перед тем.

Почему произошла столь внезапная перемена? Было ли обнаружено нечто такое, что пролило новый свет на покойного царя? Нет. Поток благожелательности был порожден возможностью англо-русского соглашения.

Это настроение прошло так же скоро, как и сомнительная политическая комбинация, которая его породила. Едва ли следует говорить об этом иначе, как о курьезе. Однако, по мере того, как вдет время, царствование Александра III приобретает для нас особый интерес. После того как молодой царь объявил о своем решении следовать по стопам отца, картина нашего недавнего прошлого становится изображением нашего возможного будущего. Поэтому теперь как раз время сказать полную неприкрашенную правду о государе, который в течение тридцати лет привлекал к себе столь необычное внимание...

Я не чувствую ни малейшего соблазна опорочить Александра III, как человека. Англичане, которые ревниво удерживают своих номинальных правителей от всякого вмешательства в политику, любят предаваться особому рода противному монархическому ханжеству по отношению к России.

Они предполагают, что все в ней зависит от личных качеств царя. Раз они пришли к заключению, что царь не совсем негодяй, их совесть успокаивается; все должно быть так хорошо, как только возможно, и только сумасшедшие и фанатики могут возмущаться.

Мы, русские, имеем на этот счет совсем другое мнение. Вообразите орудие пытки – дыбу, колесо или «Нюрнбергскую красавицу», и вообразите, что кто-нибудь приходит к друзьям к родственникам замученных жертв или к самим жертвам, которые чудом спаслись от пытки, и приглашает их восхищаться прекрасной работой гнусной машины и превосходным качеством дерева и железа, из которых она сделана. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из спрошенных был способен действительно восхититься этим несомненно хорошим качеством. То же самое можно сказать о хороших чертах характера человека, который составляет главную опору огромного орудия пытки, называемого русским самодержавием. Я не намерен отрицать эти хорошие черты. Я готов признать их хотя бы для того, чтобы показать, в какой степени они совершенно для нас безразличны.

Я не знаю, разделит ли читатель мою точку зрения. Но, во всяком случае, да послужит она ему ручательством в моей совершенной правдивости.

Я предоставляю Стэду и Ко задачу превознесения личных добродетелей Александра III и буду говорить о нем только как о государе.

Будущий историк нашего времени будет смотреть со смешанным чувством жалости и изумления на фигуру этого не знавшего пощады деспота, который, без всякого личного честолюбия и властолюбия, сделал себя несчастным пленником на всю жизнь, дабы поддержать видимость власти, хотя он и не пользовался и не мог ею пользоваться во всем ее объеме.

Александр III был человек рутины, один из тех, которые должны идти по проторенной дорожке. Он держался за самодержавие с упорством, достойным лучшей участи. Но если бы он унаследовал конституционную корону, он никогда не нарушил бы прав своего парламента. У него не было такого властолюбия, какое было у его деда, Николая I, типичного деспота, и он питал большое уважение к законам, которые сам издал, в чем он отличался от своего отца. Его царствование было самым незаконным, какое было в России, может быть, со времени авантюристов XV III века, потому что Россия была отдана при нем орде насильничавших, безответственных чиновников. Но это было естественным последствием системы. Сам он не отнимал

того, что когда-либо даровал. Он пытался быть на высоте той нелепой фикции самодержавия, которую он выучил наизусть из учебника государственного права и которая тем отличается от деспотизма, что самодержец, будучи абсолютным владыкою всех, сам обязан повиноваться законам, которые он создал, пока не пожелает изменить их.

Я слышал из достоверного источника забавную историю запрещения предполагавшегося представления в придворном театре «Власти тьмы» графа Толстого. В этом случае царь проявил такую же беспомощную покорность самодурству цензуры, как и самый незащитный из его подданных. Он прочел пьесу Толстого, и она ему очень понравилась. Его дочери, Ксении Александровне, которая является литературным критиком семьи, она понравилась еще более, и она предложила сыграть пьесу частным образом в одной из зал Аничковского Дворца. Пригласили актеров, началась репетиция. Об этом узнал Феоктистов, начальник главного управления по делам печати, которому очень не нравилась пьеса по ее безнравственности и который запретил ее к постановке на сцене. Опасаясь умаления своего престижа, он отправился к графу Дмитрию Толстому, тогдашнему министру внутренних дел, который разделял его взгляд на пьесу. Они переговорили с директором императорских театров, Потехиным, которому непосредственно подчинены актеры, приглашенные играть в придворной постановке «Власть тьмы», и следствием этого было то, что репетиции были остановлены и объявление о спектакле отменено, хотя все дело было начато с ведома и согласия царя. Когда Ксения Александровна заговорила об этом на семейном собрании, на котором присутствовали и некоторые министры, и выразила свое недоумение, царь обернулся к своим министрам и только воскликнул, с добродушным удивлением, которое так не вяжется с понятием о всемогущем деспоте: «Представьте, запретили!»

Дело на том и остановилось; пьеса была поставлена много лет спустя, когда цензура стала относиться к ней мягче.

Один из лучших биографов Александра III, Самсон фон Химмельстиерна, говорит, что в царствование Александра III умственный уровень министров был очень низок, потому что он желал всегда иметь вокруг себя людей умственно низших, чем он сам, ощущая болезненный страх подпасть под чье-либо влияние.

Совершенно верно то, что Александра III коробил малейший намек на то, что кто-то имеет на него влияние, и это чувство в нем все росло. Но тут было скорее следствие недоверия и подозрительности, чем властолюбия. Ведя уединенную жизнь и болезненно сознавая свою ограниченность, он инстинктивно боялся способных людей, которых не знал и которым не мог вполне доверять. Но, как кажется, он не избегал тех немногих умных людей, которые к добру или к злу, успели заслужить его полное доверие.

Покойный граф Дмитрий Толстой был несомненно по-своему умный человек, каким бы он ни был в других отношениях, умен и Победоносцев. Тем не менее Александр III держался за них до конца, исполнял их советы и позволял им иногда делать ему упреки.

В 1882 году произошли «студенческие беспорядки», довольно обычные в России, в Петербургском университете. Известный еврейский богач Поляков, один из железнодорожных царьков и военных поставщиков, печально прославившийся на всю Россию во время русско-турецкой войны 1877 года своими удивительными мошенничествами, решил войти в милость русского общества и графа Лорис-Меликова. Он дал в 1880 году 200.000 руб. для основания студенческого общежития, т.е. на постройку и оборудование дома, в котором студенты могли бы получать квартиру и стол за умеренную плату. Пожертвование это не было вполне и оказалось выгодным помещением капитала, так как оно доставило Полякову казенный заказ в несколько миллионов рублей, который он не получил бы иначе, будучи на столь дурном счету. Как бы то ни было, студенчество совсем не было довольным таким подарком от человека, которого вся Россия считала ответственным за тяжкие преступления против русских солдат во время войны. Но когда новое студенческое общежитие было открыто в 1882

году, университетские власти, не посоветовавшись со студентами, составили Полякову адрес, в котором они благодарили его за его щедрость от имени всего университета. Собрав некоторое число подписей, они послали адрес Полякову, врученный ему небольшой депутацией, которая взяла на себя роль представителей всех студентов.

Это вызвало бурю. Студенты собрались на сходку негодования, чтобы выразить протест против злоупотребления их именем. Власти вмешались, так как сходки студентов воспрещены. Вся сходка, 400 человек, была арестована и половина их, 200 человек, были освобождены только через три недели. Но общественное мнение и значительное число университетских властей были на стороне студентов. Ректор Бекетов сумел заинтересовать весьма влиятельное лицо, бывшего министра финансов Рейтерна, в судьбе молодежи. Рейтерн, председатель совета министров, обещал доложить об этом деле царю и лично ходатайствовать в пользу арестованных студентов. Он сдержал слово. При ближайшем свидании с царем он заговорил о злобе дня, т.е. об университетских беспорядках, и горячо защищал студентов. Он говорил о юношеском великодушии, которое не могло примириться с таким поношением чести студенчества, какое причинила ей подачка такого человека, как Поляков, к тому же еще еврея. «Если бы я был студентом, я сам протестовал бы», – смело закончил он.

Эти слова, а в особенности обращение к его антисемитическим чувствам, произвели сильное впечатление на царя, и он сказал: «Да, я тоже бы протестовал, если бы был студентом».

Дело казалось конченным. Но тут Победоносцев, который также присутствовал при этом, вскочил и начал говорить в высшей степени резко о зловредных последствиях «императорского либерализма», который принес уже величайший вред стране, подточив самые основы закона и порядка. Он намекал на Александра II... Царь не сказал ни слова и имел глупый вид школьника, которого разносит учитель, как один из очевидцев этой сцены рассказывал своему другу. Рейтерн не считал возможным настаивать далее, и «вожаки» беспорядков были наказаны обычным порядком: сорок молодых людей были навсегда исключены из университета и высланы в провинцию, а сорок других были исключены на один год. Царь по настоянию Победоносцева дал аудиенцию Полякову и излил свое раздражение против него, задав ему довольно острый вопрос, сколько миллионов тот нажил благодаря своему великодушию.

Александр III не всегда был снисходителен по отношению к своим министрам. Когда он был рассержен, он бранил их и ругался самым грубым образом. Осенью 1886 года в Петербурге ходили характерные слухи о том, что он дал здоровую затрещину военному министру генералу Ванновскому своим довольно тяжелым императорским кулаком.

Ссора с князем Александром Баттенбергским была тогда в разгаре, и царь приказал вычеркнуть его имя из списков русской армии, как шефа одного из полков гвардии. Это был беспримерный акт тяжкой не деликатности, чтобы не употребить более сильного выражения. Офицеры исключаются из списков армии, как члены исключаются из клубов, только когда они совершили что-либо положительно бесчестное. Александр III поэтому вполне заслужил отплаты со стороны князя. Этот последний также вычеркнул его имя из списков своей маленькой армии, где Александр III был шефом одного полка. Намеренное оскорбление было таким образом обращено в забавную шутку, и насмешка обратилась, естественно, против нападавшего. Немецкий «Кладдерадач» изобразил это в карикатуре, представлявшей двух Александров в ночных рубашках; царь кричит: «Я раздел вас», а князь кричит в ответ: «Нет, это я раздел вас».

Все это произошло по вине Ванновского; если бы он напомнил своему государю, что тот был шефом болгарского полка до исключения князя Александра из списков, император отказался бы от шефства, усугубив тем выражение своего недовольствия.

Положение министров Александра III не было почетным, раз они были подвержены подобному обращению. Но люди, которые могут терпеть его, конечно, недостойны лучшего.

Но, с другой стороны, им некому было жаловаться на своего повелителя. Их назначение было простою случайностью. Будучи лишен главного дара правителя (а также и очень многих второстепенных) – а именно дара распознавать людей, Александр III был совершенно в руках придворной интриги и фаворитизма. Но он не руководствовался своими личными симпатиями и антипатиями, как постоянно делали два его предшественника. Так, например, он чувствовал непреодолимое отвращение к Вышнеградскому; он глубоко презирал, как человека, Валя, Петербургского градоначальника, и он искренно ненавидел одного министра, которого я не назову, подозревая его в либеральном направлении. Но он поддерживал всех их, раз они были назначены. В начале своего царствования он пригласил своего бывшего преподавателя, профессора Бунге, на пост министра финансов. Профессор сначала отказался, сказав, что он далек от придворных сфер и не имеет партии, которая бы его поддерживала в водовороте придворных интриг. Царь протянул ему руку и сказал: «Я буду вашей партией». И он шесть лет держал свое слово, отпустив Бунге только в 1887 году, потому что положение финансов настоятельно требовало такого тонкого фокусника, как Вышнеградский.

Он редко сменял министров, большинство которых сохраняло свои посты гораздо дольше, чем в конституционных странах. Он пытался и сам разбираться в государственных вопросах, но не был мелочен и предоставлял своим министрам значительную свободу действий в их областях управления.

В итоге, его характер, вкусы и привычки годились для роли конституционного монарха. Конечно, никто не увидит в нем никакого инстинктивного предрасположения к деспотизму. Он несомненно был предан своей стране. Он убивал себя черной государственной работой.

Тем не менее ни один человек, живущий или покойный, не причинил столько вреда России, как Александр III, ни один не нанес ей столь глубоких зияющих ран, от которых она едва ли поправится в течение многих лет. Он создал режим подозрительности и террора, сделав жизнь всего образованного класса унижительной. Он развратил его, наложив на него унижительное лицемерие, выход из которого был лишь в апатию или циничное эпикурейство. И что делает загадку еще более неразрешимой, это то, что он сделал свое собственное существование более жалким, чем существование самых низших из своих подданных. Его жизнь была постоянным ужасом без передышки, и днем и ночью. Никогда ни на минуту он не мог чувствовать себя безопасным на улицах, или среди своей армии, или в уединении своего дворца.

Смерть витала над ним. Когда он путешествовал, какое-нибудь невинное существо почти каждый раз было убито вследствие неосторожного приближения к линии, когда ожидался царский поезд.

В 1883 г., во время поездки царя в Москву на коронацию, один крестьянин был убит у него на глазах, потому что он плыл на плоту по реке и не мог остановиться, когда императорский поезд проходил по мосту. Другой раз, в Гатчине, гуляя в саду дворца, который был его тюрьмой, царь задал вопрос одному из садовников, который на некотором расстоянии вскапывал цветочную грядку. Садовник бросил лопату на землю и поспешил к царю, но прежде, чем мог приблизиться к нему, был застрелен охранником, который с своего наблюдательного поста на стене не мог слышать голоса царя, но видел только человека, поспешно приближавшегося к нему, и заподозрил покушение.

Более ужасная история рассказывалась о бароне Рейтерне, родственнике министра Рейтерна, который, как уверяли, был застрелен самим царем в припадке подозрительности. Молодой человек курил папиросу, и когда царь неожиданно вошел в дежурную комнату, быстро спрятал ее за спину. Царь, преследуемый страхом и подозрениями, сразу заключил, что тот намеревается бросить в него бомбу, и застрелил его на месте.

Страх не покидал его даже в церкви. Один из моих друзей, случайно видевший его на благодарственном молебне в Казанском соборе в 1888 г., рассказал мне следующее. После окончания службы, толпа студентов, нарочно набранная для этой цели министром народного про-

свещения Деляновым, двинулась к царю, окружила его кольцом, проявляя всеми способами рабское почтение, причем некоторые пытались целовать руки царя. Но герой этой демонстрации стоял бледный, как смерть, и некоторое время не мог вымолвить ни слова. Очевидно, его первой мыслью было, что его окружила толпа заговорщиков, и что пришла его последняя минута. Потребовалось некоторое время, чтобы он понял свою ошибку. Когда, наконец, он овладел собою, он начал благодарить студентов прерывающимся, дрожащим, совершенно не царственным голосом, сказав, что он этого не забудет. И действительно, Делянов, не менее успешно душивший русскую молодежь, чем граф Дмитрий Толстой, укрепился на своем посту, хотя его отставки ждали со дня на день, и в 1889 г. получил графский титул.

После крушения в Борках, нервы царя совершенно расстроились, и его жизнь в последние годы царствования, как видно из недавних разоблачений, должна была быть чем-то почти невыносимым. В самом деле, постоянное нервное напряжение сильно потрясло его геркулесовское здоровье и ускорило его кончину.

Он никогда не мог освободиться от нервного потрясения, которое причинило ему крушение поезда в Борках. Каждая незначительная случайность, необычный шум ночью, появление чужого лица беспокоило его, вызывая страх. Но тем не менее он цеплялся за ничтожество власти, хотя одним словом мог бы создать себе такую же безопасность, как любой король или королева в Европе.

Почему это так? Разве самодержавие составляет такую абсолютную необходимость для России, что, как бы дурно оно ни было, никакая европейская форма государственного правления не мыслима там? И если свобода есть лекарство, почему Александр III так боролся против того, чтобы дать ее в небольшой дозе?

Довольно часто говорят, что ужасная смерть отца заставила Александра III сделаться неуступчивым реакционером. Было ли так в действительности?

Ответ на вышеприведенные вопросы и на многие другие, связанные с ними, будет дан дальше. Я начну с последнего вопроса, который стоит первым в хронологическом порядке и может быть разрешен очень просто.

Нет, трагедия 1/13 марта 1881 г. не предопределила внутренней политики Александра III, которая сложилась в его уме задолго до его вступления на престол. Напротив того, сильный взрыв недовольства, который достиг своей высшей точки в убийстве Александра II, по-видимому, выбил Александра III из равновесия, и в течение некоторого времени перемена политики представлялась возможной. Но это колебание прошло с подавлением движения, которое его породило. Старые идеи и старые влияния победили, и внутренняя политика Александра III приняла определенные формы, которые она приняла бы сразу, если бы революционный взрыв не имел места. Тогда и только тогда правительство могло воспользоваться своей победой и указать, на прошлое, как на оправдание тирании в настоящем. Каждая война есть азартная игра, и те, кто не выигрывает, должны проиграть. События 1879–83 годов послужили уроком, который не будет забыт русской оппозицией. Они доказали, что одни только крайние партии и крайние способы борьбы не могут свергнуть правительства. Роль «нигилистов» была та, которую артиллерия играет в современных сражениях. Они поколебали ряды неприятеля, они посеяли панику в его среде и облегчили возможность генеральной атаки. Если атака не последовала и неприятелю позволили отступить и снова укрепить свою позицию, то винить следует тех, кто не воспользовался представившимся случаем, а не тех, кто создал этот случай.

Но возвратимся к Александру III.

II. Царь-мужик

О покойном царе, как наследнике престола, имеется очень интересная и исчерпывающая характеристика, вышедшая из-под пера Тургенева, который знал его лично, и знал также многих из его близких друзей, давших ему очень точные сведения о его взглядах и намерениях. С такими материалами и при его удивительном даре распознавания человеческого характера Тургенев мог не только дать портрет Александра III, но и начертать всю его будущую политику. Поразительная точность предсказаний Тургенева ручается за точность портрета. Этот очерк характера царя появился без подписи в «Revue politique et littéraire», издававшемся *in* me Adam, вскоре по вступлении Александра III на престол. Тургенев не отрицал в разговорах с друзьями, что он был автором этой статьи [Тургенев скорее был вдохновителем статьи. См. Тургеневский сборник, под ред. проф. Н. К. Пиксанова, где статья напечатана. *Ред.*].

Хотя и достаточно польщенный портрет этот имеет свой свет и свои тени и дает нам фигуру простого смертного, между тем как русскому разрешается изображать своих царей только в древнеегипетском символическом стиле, т.е. так, как художники древнего Египта рисовали своих фараонов: огромные фигуры, облитые ярким светом и покрывающие собою весь фон картины, без малейшего согласования с законами перспективы и действительностью.

Самая интересная часть этюда Тургенева, который, насколько я знаю, прошел незамеченным для всех многочисленных биографов Александра III, та, в которой сообщается государственная программа Александра III. Тургенев говорит, что эта программа намеченных реформ зрела в уме царя многие годы, так что осведомитель Тургенева мог передать ему даже все главные пункты. Вот они:

1. Значительное сокращение выкупных платежей, платимых крестьянами государству, как посреднику между ними и их прежними господами.
2. Радикальное изменение налоговой системы, которая слишком тяжело ложилась на крестьян.
3. Уничтожение подушной подати, которую платили одни крестьяне (и мелкие ремесленники и мещане).
4. Меры для облегчения переселения крестьян из губерний малоземельных в такие, где много свободной земли.
5. Паспортная реформа в целях облегчения крестьянам передвижения в поисках заработка.
6. Открытие сельских банков, которые освободят крестьян от проказы мелких деревенских ростовщиков, подобно саранче съедающих крестьянский достаток.

Большинство намеченных сейчас реформ было более или менее проведено в жизнь, иногда странным способом, как мы увидим дальше. Но это зависело от внешних обстоятельств, а не от воли царя. Все указанные меры обсуждались в его частном совете, и относительно их у него сложилось определенное мнение. Все же остальное в политических воззрениях царя, как говорит Тургенев, было смутно и должно было определиться в зависимости от обстоятельств.

Александр III.

Таким образом мы имеем программу реформ, направленных исключительно к улучшению быта одних только крестьян.

Обсуждая будущую иностранную политику Александра III, Тургенев предсказывает, что она будет политикой невмешательства, скорее, уединенности, потому что, как он говорит, царь относится с полным безразличием ко всему, что не Россия. «Он прежде всего – русский и только русский, все его сердце отдано одной России».

Это не совсем так. Россия, как целое, т.е. как нация, воплощающая в себе известную своеобразную культуру, обладающая известными стремлениями и общими характерными чер-

тами, нравственными и умственными, была для него столь же безразлична, как Германия или Франция. Он интересовался только крестьянами, которые представляли для него всю Россию. Тургенев говорит, что он хотел быть крестьянским царем. Прозвище «царь-мужик», которое было дано ему позднее, и которое он сам любил употреблять, не встречается в статье Тургенева, но оно напрашивается само собою.

Александр III был мужик на троне, титул, который, конечно, является комплиментом в наш демократический век. Но это только в том случае комплимент, если мы готовы допустить, что мужик, взятый от сохи, был бы хорошим министром внутренних дел или народного просвещения; или что демократизм Англии выиграл бы от закона, предписывающего, чтобы все члены парламента были избраны исключительно из класса земледельцев. Александр III был мужиком по своей политической вере и по своим симпатиям.

Все наследники престола естественно склонны к оппозиции. III стал реакционером во вторую половину своего царствования, его сын сделался либералом. Но этот либерализм не пережил его юности. Тургенев рассказывает, что Парижская Коммуна 1871 года излечила Александра III от либеральных заблуждений. «Вот к чему эти вещи приводят», – повторял он, узнавая о происходивших в Париже эксцессах.

Смешивать скромнейшие домогательства русских либералов с тем, что делалось парижскими коммунарами, было смешно. Но тот факт, что Александр III так легко отказался от своих либеральных поползновений, показывает, что они так же мало пристали ему, как крылья слону. Он родился консерватором и возвратился в свою естественную стихию, как рыба в воду, сделавшись другом и приверженцем славянофилов, которые являются идеологами того, что может быть названо народническим консерватизмом.

О славянофилах говорили так много в английской печати во время царствования Александра III, и они так сильно выдвинулись вперед в начале этого царствования, что нам следует остановиться на минуту, чтобы выяснить настоящий характер этой партии, единственной в своем роде.

Англичане знают ее в связи с иностранною политикой, как партию, представляющую захватные стремления русского самодержавия, главным образом среди славянского населения Турции и Австрии, и имеющую целью объединение всех славянских племен в огромное государство под скипетром царя. Таким образом панслависты смешиваются со славянофилами, хотя эти партии в основе своей различны. Первоначальные славянофилы не заботились о нашествии на запад, их главной целью было очистить самую Россию от влияния западных начал. Их учение может быть названо крайним проявлением национальной исключительности. Русский народ, русские учреждения, православная церковь и все истинно-русское казалось им на столько выше всего того, что они усматривали у народов запада, что, по их мнению, всякое заимствование или применение русскими западных идей могло только разрушить идеальное совершенство русских начал. В этом источник их оппозиции правительственной системе, которую Петр Великий преобразовал в бюрократию по немецкому образцу.

Очень любопытно, что это учение китайской исключительности и самодовольства было создано очень даровитыми людьми высшей европейской культуры своего времени, такими как Хомяков, Самарин, братья Киреевские и братья Аксаковы, Константин, который был настоящим вождем партии в дни ее расцвета, и знаменитый Иван, который постепенно примирился с правительством. Все эти люди знали до тонкости философию Гегеля, которая была евангелием их времени, и могут быть определены как последователи Фихте, которого идеи о мессианском призвании германского народа они имели полное право приспособить к своим собственным целям.

Если Фихте был прав, утверждая, что германская раса, свободная от влияния греко-римской культуры, была предназначена создать новую цивилизацию, превосходящую цивилизацию латинской расы, то русские, очевидно, имеют то же преимущество в гораздо высшей сте-

пени. Только со времен Петра Великого Россия была «испорчена» некоторой культурой, и в то время, когда славянофилы начали свою проповедь, болезнь эта, хвала небу, не зашла далеко вперед. Что же до массы русского народа, миллионов крестьян, они еще совершенно не затронуты ею. Шансы России еще не потеряны, если только она примет программу славянофилов, которая очень проста: обратиться за руководством в этике, религии и семейной жизни к крестьянам, которые сохранили в своей первоначальной чистоте все высокие, истинно народные жизненные идеалы. Славянофилы проповедовали возврат к государственным формам, предшествовавшим разрушительной работе Петра Великого, т.е. к московскому периоду русской истории, который славянофилы идеализировали сверх всякой меры, с полным невниманием к свидетельству доподлинной истории.

Я не буду говорить о первой половине их программы, потому что она вне непосредственного предмета моей книги. Не принадлежа сам к славянофилам, граф Лев Толстой является однако последним воплощением этой стороны старого славянофильства, и я могу отослать читателя к его последним брошюрам и рассказам, которые объясняют, что следует понимать под исканием народной правды.

Но политическая программа славянофилов заслуживает более близкого рассмотрения, ибо она влияет многими путями на современную русскую историю.

Московская монархия была мрачным полу-теократическим, полу-патриархальным деспотизмом на пути к превращению в род окаменелой бюрократии. Жестокое, неумолимое преследование малейшей независимости мысли в религии и политике, и даже в образе жизни было одной из ее главных характерных черт. Но славянофилы не обращали на это внимания, как на случайность, рисуя московские времена, как картину патриархальной идиллии, совершенной гармонии и взаимного доверия между правителями и управляемыми. Мы не будем упрекать их за эту небольшую перелицовку истории, ибо мы обязаны этому всем тем, что было хорошего в политической программе славянофилов. Фанатически защищая самодержавную форму правления, как народную святыню, славянофилы выступают вместе с тем противниками цензуры и всякого ограничения свободы слова, которое они считали проявлением недоверия и подозрительности, чуждым духу истинно отеческого правления.

Есть очень интересный документ, вышедший из-под пера Константина Аксакова, одного из основоположников славянофильства, дающий прекрасную сводку государственной программы и практических требований славянофилов. Эта записка Аксакова была представлена через графа Блудова Александру II вскоре после вступления его на престол в 1855 году.

Записка разделена на три части. В первой, во вступлении, Константин Аксаков изъясняет причину, почему он считал необходимым представить свою записку именно теперь.

«Государь! ты вступил на престол. Эти первые минуты драгоценны и важны не только для тебя, но и для твоих подданных. Облекшись мгновенно в сан царский, ты еще не привык быть царем. Внутренний слух твой имеет всю свою свежесть и тонкость, внутреннее зрение – всю остроту и дальновидность; скажу более: и слух твой и зрение напряжены в эти первые минуты царствования сильнее, чем когда-нибудь. Надеемся, что ты постоянно будешь напрягать все силы души для узнания истины, ко благу своего народа; но всякое мгновение имеет свой смысл и свою честь, собственно ему подобающие: таковы и эти первые минуты власти царской, свежесть и чуткость которых не может повториться. Благое употребление этих минут, конечно, будет иметь для тебя, и следовательно для твоих подданных, важное значение».

Вслед за вступлением идет изложение взглядов Константина Аксакова на русскую государственную жизнь, на раздельность «земли» и государства и т. д. Первоначально теоретизированием записка и ограничивалась. Но, чувствуя всю абстрактность и практическую непригодность подобного приема, сам сознавая, что в его записке «недостает сосредоточенного вывода, извлеченного из общих указаний и необходимого для надлежащей ясности и для ощутитель-

ного показания действительного, жизненного и в этом смысле практического их значения», Аксаков представил дополнение к записке, которое заканчивалось следующими тезисами:

I. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя, и госу­дарствовать не хочет.

II Не желая госу­дарствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамен того, русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, без вмешательства в нее народа, может быть только неограниченная монархия.

V. На основании таких начал зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) – неограниченная власть государственная, политическая; народу – полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полновластному правительству, это мнение (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинные начала могут быть нарушены и с той, и с другой стороны.

VII. При нарушении их со стороны народа, при ограничении власти правительства, следовательно, при вмешательстве народа в правительство, народ прибегает к внешней принудительной силе, изменяет своему пути внутренней духовной свободы в силы и непременно портится нравственно.

VIII. При нарушении этих начал со стороны правительства, при стеснении правительством в народе свободы нравственной, свободы жизни и духа, – неограниченная монархия обращается в деспотизм, в правительство безнравственное, гнетущее все нравственные силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русского гражданского устройства не были нарушены в России со стороны народа (ибо это его коренные народные начала), но были нарушены со стороны правительства. То-есть: правительство вмешалось в нравственную свободу народа, стеснило свободу жизни и духа (мысли, слова), и перешло таким образом в душевредный деспотизм, гнетущий духовный мир и человеческое достоинство народа, и, наконец, обозначившийся упадком нравственных сил в России и общественным развращением. Впереди же этот деспотизм угрожает или совершенным расслаблением и падением России на радость врагов ее, или же искажением русских начал в самом народе, который, не находя свободы нравственной, захочет, наконец, свободы политической, прибегнет к революции и оставит свой истинный путь. – И тот и другой исход ужасны, ибо тот и другой губительны: один в материальном и нравственном, другой в одном нравственном отношении.

X. Итак, нарушение, со стороны правительства, русского гражданского устройства, похищение у народа нравственной его свободы, одним словом; отступление правительства от истинных русских начал – вот источник всякого зла в России.

XI. Поправление дела, очевидно, зависит от правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнет на Россию; оно должно снять этот гнет. Правительство отступило от истинных начал русского гражданского устройства, оно должно воротиться к этим началам, а именно:

Правительству – неограниченная власть государственная, народу – полная свобода нравственная – свобода жизни и духа. Правительству – право действия и, следовательно, закона; народу – право мнения и, следовательно, слова. – Вот единственный, существенно жизненный совет для России в настоящее время.

XIII. Но как же его привести в исполнение? Ответ на это находится в самом указании общих начал. Дух живет и выражается в слове. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. Итак, свобода слова: вот что нужно России, вот прямое приложение общего начала к делу, до того с ним нераздельное, что свобода слова есть начало (принцип) и явление (факт).

XV. Но и не удовлетворяясь тем, что свобода слова, а поэтому и общественное мнение, существует, правительство чувствует иногда нужду само вызывать общественное мнение. Каким образом может правительство вызвать это мнение?

Древняя Русь указывает нам и на дело самое, и на способ. Цари наши вызывали, в важных случаях, общественное мнение всей России, и созывали для того Земские соборы, на которых были выборные от всех сословий и со всех концов России. Такой земский собор имеет значение только мнения, которого государь может принять и не принять.

Итак, из всего сказанного в моей «Записке» и объясненного в этом «Дополнении», вытекает ясное, определенное, прилагаемое к делу, и, в этом смысле, практическое, указание: что нужно для внутреннего состояния России, от которого зависит и внешнее ее состояние.

Именно:

Полная свобода слова устного, письменного и печатного – всегда и постоянно: и Земский собор в тех случаях, когда правительство захочет спросить мнения страны.

Внутренний общий союз жизни, – сказал я в своей «Записке», – до того ослабел в России, сословия в ней до того отделились друг от друга, вследствие полуторастолетней деспотической системы правительства, что Земский собор, в настоящую минуту, не мог бы принести своей пользы. Я говорю: в настоящую минуту, т.е. немедленно. Земский собор непременно полезен для государства и земли, и нужно пройти некоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрым указанием древней Руси и созвать Земский собор.

Открыто возвещаемое общественное мнение – вот чем в настоящую минуту может быть заменен для правительства Земский собор; но для того необходима свобода слова, которая дает правительству возможность созвать вскоре с полною пользою для себя и народа Земский собор.

III. На перекрестке

Напечатанная в 1881 г. записка, обращенная к Александру II, явилась своего рода обращением и к августейшему стороннику некоторых пунктов учения славянофилов.

Но правильно говорит Тургенев, что именно Александр III принимал только часть этого учения. Метафизическое разделение двух функций государства, действия и мышления, было для него слишком тонко, и он внес в учение славянофилов некое изменение, он опустил все, что относилось до обязанностей терпимости, рекомендованных царю, если не налагаемых на него идеализмом славянофилов. Как человек практичный, он взял зерно их учения, т.е. мысль, что самодержавие есть для России самая лучшая из возможных форм правления, и что всякое ограничение самодержавия должно встретить со стороны царя противодействие, опирающееся на национальные особенности русского народа. Все остальное он отбросил, как непрактичное, каким оно и было на самом деле. В этом виде учение сильно ему нравилось. В интересном письме к своему брату Владимиру, сопровождавшем... экземпляр самодержавного манифеста, который представляет собою поворотный пункт политики Александра III, царь пишет: «Я никогда не позволю никакого ограничения самодержавной власти, которую я считаю необходимой и полезной для России».

Русские цари и самодержцы всех национальностей всегда были склонны усваивать очень возвышенный взгляд на свою необходимость для всего мира вообще и для стран, благословенных их правлением в частности. Можно ли ставить им это в вину? На наших скромных жизненных путях мы склонны смотреть на себя и на свое дело сквозь увеличительное стекло. Джордж Элиот говорит, что это устроено так к нашему счастью, ибо мы не могли бы совершить и того немногого, что мы совершаем, без побуждения такой само-идеализации. Но если само-идеализация и хорошая вещь, то мы, увы, имеем слишком много ее в людях, рожденных в царской багрянице. У них эта естественная человеческая слабость вздувается и развивается до чудовищных размеров окружающей средой. Едва ли сыщется такой царь или император, который бы не считал своим особым призванием быть деспотом так основательно и долго, как только возможно. Но когда к лести придворных присоединяется влияние какого-либо философа или религиозного фанатика, то нарождаются глубоко убежденные, т.е. самые худшие дес-

поты, какие только возможны, типа Филиппа II испанского или Николая I всероссийского, в которых самые лучшие и самые худшие элементы человеческой природы сочетались, чтобы сделать из них бич Божий. Чем учение Жозефа де Мэстра было для Николая I, тем было учение славянофилов для Александра III. Оно сделало из него фанатика самодержавия. Когда в 1879 и 1880 годах, революционное движение приняло угрожающие размеры, цесаревич Александр склонялся к беспощадному подавлению. Он сыграл бы роль герцога Альбы, если бы отец позволил ему это.

Мне рассказывали о маленьком происшествии, случившемся в 1878 г., вскоре после казни Мартына Ковальского, революционера, который обвинялся в вооруженном сопротивлении в Одессе, был судим военным судом и расстрелян в августе 1878 г. Генерал Гейнс, который был градоначальником Одессы и должен был руководить казнью, подал в отставку и поехал в Петербург, чтобы лично вручить ее. Он был честный человек и верный и преданный слуга царю, такой, каких мало среди русских чиновников. Целью его приезда в Петербург было искать аудиенции у царя и оказать ему величайшую услугу, какую подданный может оказать своему государю: сказать ему смело правду о положении дел в России. Ему не удалось получить аудиенции у царя, но он получил возможность говорить с цесаревичем, и ему он излил свои верноподданические и патриотические мнения о невозможности подавления одною силою движения, которое имеет за собою идею, и о фатальных последствиях, которые политика подавления может принести государству и особе государя.

«Когда судьи, которые произносят смертный приговор, офицер, командующий солдатами, которые должны привести его в исполнение, и сами солдаты бледны, как смерть, это значит, что что-то неладно в системе, требующей этой казни».

Цесаревич слушал, не говоря ни слова, с тупым выражением на толстом лице.

– Вы хотите сказать, что царь должен бы был сделать уступки своим врагам? – сказал он.

– Не своим врагам, а стране, которая с ним не ссорится, – ответил генерал.

Тут цесаревич встал, положил руку, которая, по слухам, могла разгибать подкову, на плечо Гейнса, схватил его за плечо и вытолкнул вон из комнаты. Это было все, что генерал получил за свои старания, если не считать синяков от пальцев цесаревича, которые несколько дней оставались у него на плече.

Он показал их своему брату, передав ему, что, оставляя дворец, он сказал себе, что надежды на уступки нет, по крайней мере до третьего царствования. Генерал Гейнс теперь умер, так что можно рассказать эту историю, не совершая нескромности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.